

Сатирикон

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

Satirikon

№ 5 X 1951

Специальный
Октябрьский

Рис. Н. ИР-СКОГО

„Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек...”

Страна родная вправду широка,
Как Волга-матушка, российская река,
Но в сей стране широкой житель русский
Простор имеет очень-очень узкий.

ОКТАБРЬ

Пятый номер «Сатирикона» — специальный. Впервые за свою историю «Сатирикон» делает этот важный шаг: посвящает номер... Читатель, конечно, понимает что только очень важное обстоятельство могло подвинуть «Сатирикон» на этот путь. Это обстоятельство: судьба Родины.

Тридцать четыре года прошло с того октября, когда вместе с багряно-желтыми листьями осени по улицам Петрограда метались в вихре багряно-красные полотнища знамен революции. Тридцать четыре года прошло с того октября, когда тянувшиеся к свободе, миру и счастью люди «завоевали» себе небывалую неволю. Им, этим людям, и посвящает «Сатирикон» свой номер. В знак понимания их разочарований, их душевной боли, их страданий.

Все проходит. Минует и «октябрьская» полоса нашей жизни. Но не к терпению в ожидании света и воли зовет «Сатирикон». «Сатирикон» призывает к борьбе за свободу, за освобождение Родины. За «досрочное выполнение» исторического плана!

Редакцию «Сатирикона» посетил недавно «свежий» эмигрант из страны «осуществленного социализма». Он многое рассказал нам. Но дело не в рассказах. Дело в том, что этот гвардии капитан воочию явил нам прекрасную русскую душу, не тронутую «Октябрем». Он был — отрицание «завоеваний Октября» и утверждение свободы. В нем горела та священная непримиримость, которая рождает «стахановцев» в антикоммунистической борьбе.

«Социалистическому» соревнованию в связанной стране мы противопоставим свободное патриотическое соревнование на поприще ее освобождения. Кто кого? У нас нет сомнений, хотя сроки нам и неизвестны.

«Сатирикон» в «октябрьские дни» тоже выходит на улицу для демонстрации. На его бело-сине-красном знамени надпись:

— Мир и свобода!

Других слов не надо. Эти два, по своей глубокой сущности, исключают все, что тридцать четыре года окутывает и опутывает просторы нашей Родины.

А над этим знаменем мы поднимаем еще одно слово, большое слово:

— Человек!...

перехватываем

Телеграфной проволоки в распоряжении «Сатирикона» нет. Однако, из этого не следует, что редакция располагает беспроводным телеграфом. Нет у нас и беспроводного. Единственные средства связи, которыми обладает редакция, — это велосипед и молодой человек Коля. Тем не менее, и с малыми средствами можно делать большие дела. При помощи Коли и велосипеда нам удалось перехватить ряд телеграмм, которыми обменивались различные учреждения и лица в связи с празднованием 34-й годовщины Октябрьской революции в СССР (!).

Часть телеграмм была зафарширована (мы тоже знаем специальную терминологию!), но мы их расфаршировали и сообщаем читателю.

ЭСС (Эфирная Служба Сатирикона).

ОТЦУ НАРОДОВ — СТАЛИНУ
Москва, Кремль

Спасибо за веселые праздники! Развлекаемся во-всю. Театры военных действий работают круглые сутки. Анатомические театры переполнены. Спасибо, папа!

МАО ЦЗЕ-ДУН.

КОЛХОЗНИКАМ БЕЛОРУССИИ

Осушаю бокал шампанского за ваше здоровье. В ответ предлагаю осушить болота площадью 250 квадратных километров.

ХРУЩЕВ.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ЭТТИ
Лондон, Кабинет министров

Вы ужасно утомились,
Между нами говоря,
Даже щеки вдруг покрылись
Красной сыпью Октября.
Поезжайте на экватор,
Помогает очень он.
Вас заменит консерватор,
Друг ваш — ЧЕРЧИЛЛЬ УИНСТОН.

ЛИДЕРУ ОППОЗИЦИИ ЧЕРЧИЛЛЮ
Лондон, Нижняя Палата

Напрасно, дорогой сэр Черчилль,
Вас сыпь моя приводит в раж.
Я лишь немного переперчил
Традиционный ростбиф наш.
Ведь, сыпь заметна еле-еле,
Готов работать я пока.
И вы краснухой болели
От ялтинского шашлыка.
Ваш тоже цвет лица не чист:
Не от краснухи это след ли?
Рисуйте, иль играйте в вист,
Но в Кабинет не лезьте.

ЭТТИ —
Ваш верный друг и лейборист.

СОВЕТУ МИНИСТРОВ ИРАНА
Тегеран

Ваши Превосходительства! Долой англичан! Выкачаем из них нефть! Положим живот на алтарь отечества!

МОССАДЫК.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
господину МОССАДЫКУ

Животы положили. Ждем дальнейших распоряжений.

МИНИСТРЫ.

ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-МВД
Москва, Лубянка

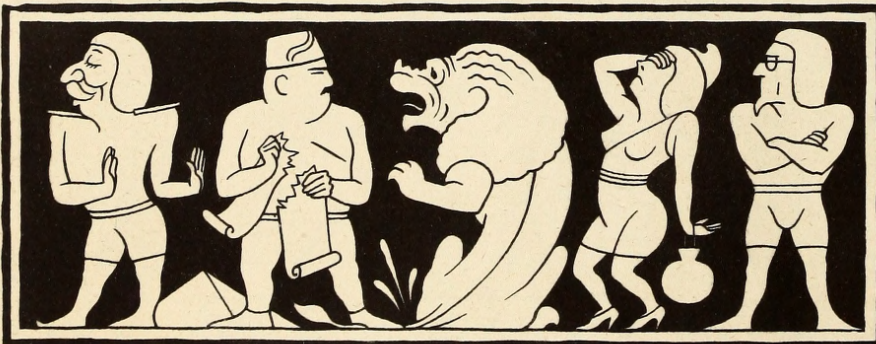
Достигли вы последнего этапа.
Милльоны мертвецов
об этом говорят.
Приветствую Октябрьский
ваш парад —
Ваш младший и покойный брат —
ГЕСТАПО.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ
КОРОЛЮ ЕГИПТА ФАРУКУ
Монте-Карло

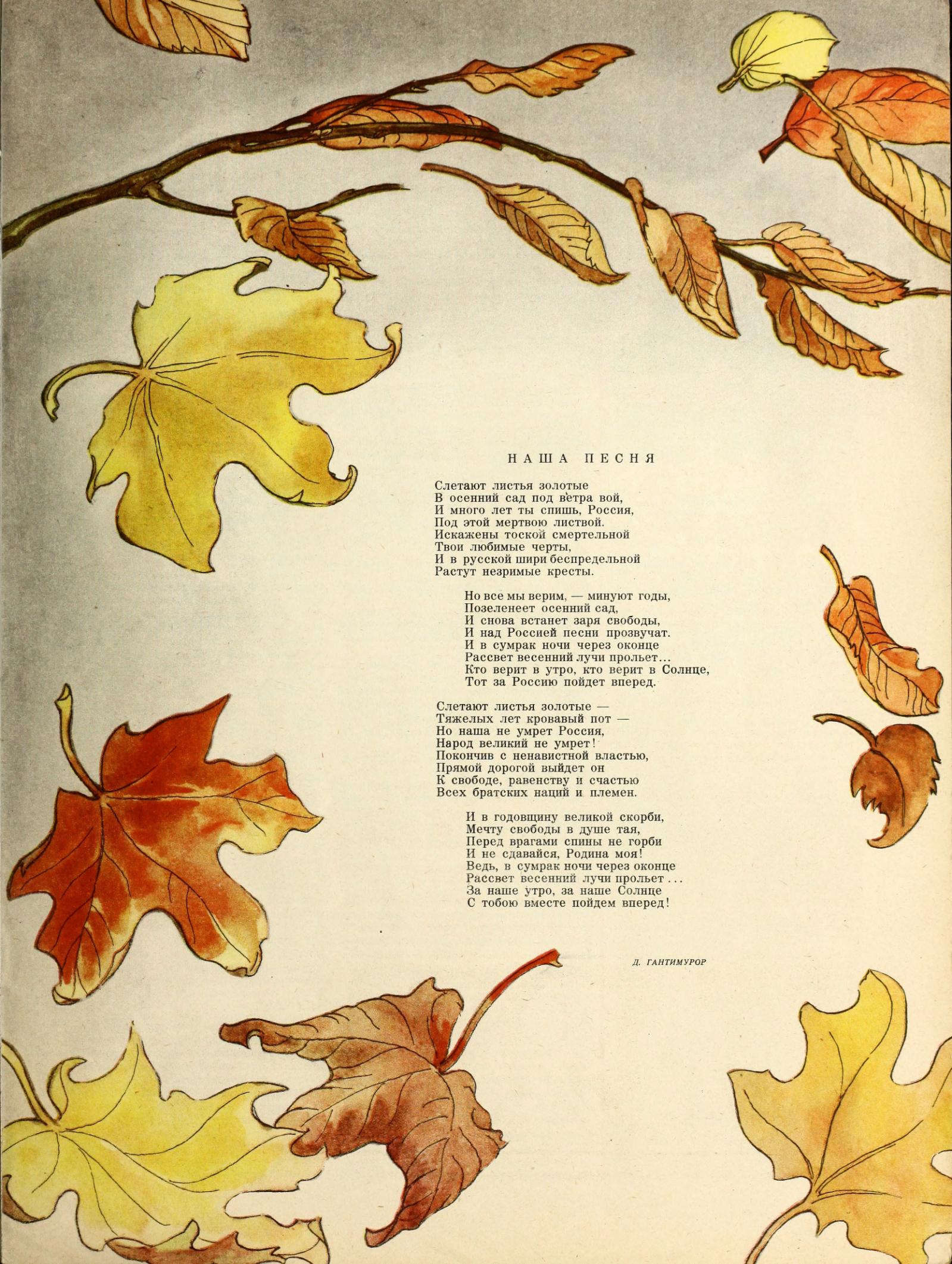
В рулетке любишь ты, Фарук,
Играть на "красное" нередко,
Однако, помни, милый друг,
Политика, ведь, не рулетка.
Политика — коварный ребус,
Его решай с умом.
Твой НЕГУС.

Рис Ч. ОЛИНА

Египет неожиданно порвал договоры с Англией и требует вывода английских войск из зоны Суэцкого канала.

Современная египетская фреска (4892-ой год после рождения Инпуэманха)

The page is decorated with several watercolor illustrations of autumn leaves. At the top, a branch with small, pointed leaves in shades of orange and yellow extends across the frame. Below it, a large, five-lobed leaf in bright yellow is positioned on the left. To the right of the central text, there are two smaller, curled leaves, one orange and one brown. At the bottom left, a large, five-lobed leaf in deep red and orange is shown. Below that, another large yellow leaf is partially visible. At the bottom center, a brown, curled leaf is depicted. At the bottom right, a large yellow leaf is partially visible. The background is a light, textured grey.

НАША ПЕСНЯ

Слетают листья золотые
В осенний сад под ветра вой,
И много лет ты спишь, Россия,
Под этой мертвой листвою.
Искажены тоской смертельной
Твои любимые черты,
И в русской шире беспредельной
Растут незримые кресты.

Но все мы верим, — минуют годы,
Позеленеет осенний сад,
И снова встанет заря свободы,
И над Россией песни прозвучат.
И в сумрак ночи через оконце
Рассвет весенний лучи прольет...
Кто верит в утро, кто верит в Солнце,
Тот за Россию пойдет вперед.

Слетают листья золотые —
Тяжелых лет кровавый пот —
Но наша не умрет Россия,
Народ великий не умрет!
Покончив с ненавистной властью,
Прямой дорогой выйдет он
К свободе, равенству и счастью
Всех братских наций и племен.

И в годовщину великой скорби,
Мечту свободы в душе тая,
Перед врагами спины не горби
И не сдавайся, Родина моя!
Ведь, в сумрак ночи через оконце
Рассвет весенний лучи прольет...
За наше утро, за наше Солнце
С тобою вместе пойдем вперед!

Д. ГАНТИМУРОВ

Н. Нико

С очень милою улыбкой
«Дядя Джо» на голубков
Из водички мутно-зыбкой
«Мирно» ловит дураков.

Только вот что очень странно:
Слабость есть за стариком, —
По чужим он любит странам
Баловаться огоньком.

Год назад поджег Корею,
До того поджег Китай...
Ну ка, братцы, поскорее
«Дядю доброго» хватай!

Рис. ПЭМА (Париж)

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

(Вместо международного обзора)

1. Как опасно быть двойником

Говорят, что у Сталина имеется с полдюжины двойников. Это граждане, в точности похожие на вождя своим внешним обликом, но, по странной игре природы, лишенные его гениальности.

Предназначение лиц, обладающих столь счастливым сходством, заключается в следующем. Предположим, что Сталин должен проехать по московским улицам, переехать на дачу или совершить какой-нибудь другой рискованный шаг. Отправляясь в такую опасную экспедицию, он рассаживает в шести автомобилях шесть своих двойников и пускает их вперед. Если их не убивают, то вслед за ними едет и сам «отец народов», наглядно убедившись в любви и преданности населения. Если же кому-либо, каким-либо чудом удастся выстрелить в «Сталина», то вскоре выясняется, что он подстрелил совсем не «любимого вождя», а всего лишь его второстепенного двойника. Сосо посасывает трубку, а покушавшийся и двойник испытывают сильное разочарование.

Такова несложная, но остроумная комбинация осторожного Иосифа Виссарионовича.

2. Как прекрасно быть двойником

Но, наряду со сталинскими, в природе встречаются также демократические двойники, играющие диаметрально-противоположную роль.

Так, например, у Гарри Трумана тоже есть двойник — артист Ирвинг Фишер, представляющий собою не только копию, но, прямо-таки, фотокопию президента. Судя по сообщениям печати, этот Фишер доставляет немало хлопот «первому человеку Америки».

Представьте себе, что на подмостках ночного бара выступает милое, но погибшее создание, одетое в «Бикини»-костюм (то-есть, без него). Вдруг на сцене появляется... Труман! Он преподносит польщенной артистке букет роз. Затем он дружески обнимает ее за талию и они напевают в тон:

... Покинем Бикини,
Поедем в Вашингтон!

Посетители ревю ревмя-ревут от восторга. Щелкают аппараты фоторепортеров. На следующий день сенсационные снимки появляются в иллюстрированных журналах.

Не нужно быть государственным деятелем, чтобы сообразить, что подобные эпизоды могут привести если не к политическим, то к семейным осложнениям. Труману бывает при этом очень обидно, так как он знает, что, в действительности, диву обнимал не он, а Ирвинг Фишер.

Таковы сообщения печати. Но нетрудно представить себе дальнейшие «возможности». К ресторану на Бродвее подкатывает автомобиль. Оттуда высаживается знакомая фигура.

— Труман... Труман... — проносится восторженный шопот. Труман (читатель догадывается, что это все тот же

бессовестный Фишер) непринужденной походкой направляется к буфету. Там он съедает неограниченное количество холодца, выпивает поллитра водки, быть может, прихватывает еще пару пачек сигарет и отбывает, сопровождаемый почтительными поклонами. На другой день жуткий счет предъявляют ошеломленному президенту...

Наконец, возможен и такой факт. Фишер, под видом Трумана, появляется в зале заседаний, подходит к столу, и накладывает «вето» или делает какую-нибудь другую пакость.

В узком кругу друзей, за бутылкой вина, распоясавшийся Фишер поговаривает уже в таком роде:

— Это еще неизвестно, кто настоящий Труман, он или я. При нашем поразительном сходстве, это еще большой вопрос...

3. Президент имеет юмор

Из нарисованной картины ясно, что судьба двойников, так же, как и обыкновенных граждан, совершенно различна в различных странах. В СССР двойники являются жертвой своего оригинала. Борются с ними там не приходится, т. к. по замыслу они сами постепенно сойдут на-нет.

Другое дело в царстве демократии. Здесь двойники процветают, так сказать, совершенно безнаказанно. Если Ирвинг Фишер, выступая в роли Трумана, не называет себя таковым, а представляет догадываться об этом окружающим, то, по закону, с ним ничего нельзя поделать. А перед законом в демократической стране склоняется даже президент.

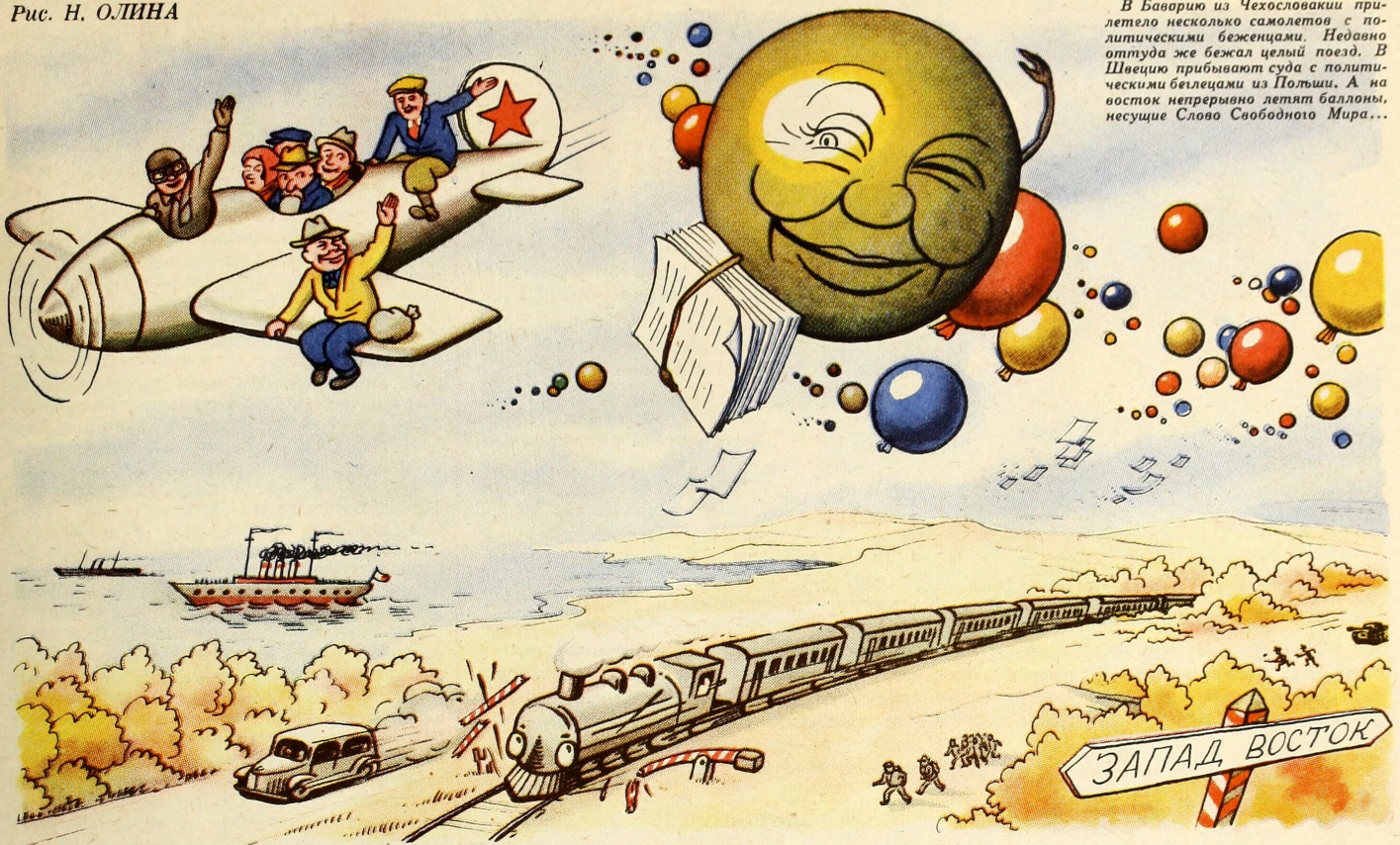
Впрочем, поговаривают еще об одной вещи. Труман, в противоположность мрачному Иосифу Виссарионовичу, обладает большим чувством юмора. Говорят, что, делая строгое лицо, он в душе забавляется выходками Ирвинга Фишера.

4. Египетский сфинкс

В двойниках, как таковых, есть что-то потустороннее и даже мистическое. Так сказать, нечто от египетских мистерий и тайн Востока. Это заставило нас вспомнить, что на Востоке, при этом как раз в Египте, начинается сейчас какая-то таинственная мистерия. Внезапно египтяне перестали переносить англичан. Имамы призывают к священной войне, рекомендуя правоверным «не жалеть жертв для освобождения родины от иностранной зависимости». Иными словами, повторяется «персидский вариант».

В антианглийском движении, вспыхнувшим в Египте, беспокоит его внезапность и, вместе с тем, какая-то странная организованность. Мы боимся, что здесь замешаны не только имамы, но и «папы». Чувствуется чья-то «отеческая забота». Мы боимся, чтобы плоды священной войны не пожал некто с серпом и молотом. Если это случится, то Египет быстро погрузится в хаос и там наступит «египетская тьма».

ЮМ

В Баварию из Чехословакии прилетело несколько самолетов с политическими беженцами. Недавно оттуда же бежал целый поезд. В Швецию прибывают суда с политическими беженцами из Польши. А на восток непрерывно летят баллоны, несущие Слово Свободного Мира...

ОСЕННИЕ ПЕРЕЛЕТЫ «НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ...»

Торжество победителей

Предлагаемый очерк принадлежит перу гвардии капитана танковых войск В. Александрова, который четыре месяца тому назад перешел в Западную Германию.

«АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ПОДГОТОВКА»

Ноябрь 1950-го года. Одна из советских оккупационных частей в Германии. Я обращаюсь к моему приятелю, капитану У-ву:

— Вася, скоро будем справлять октябрьское торжество!

Но выражение лица у Васи далеко не торжествующее.

— Справлять... — мрачно бурчит он. — Прежде чем справлять, нужно «провести подготовку».

И вот начинается «подготовка». Партийные и другие собрания по пяти часов подряд: вырабатываем «правила» и «формы» проведения праздника. На солдат обрушивается лавина предпраздничной пропаганды. Заместитель командира танковой роты, старший лейтенант Б-в, говорит по целым суткам. Почти ничего не ест (за исключением «духовной» пищи). Политработник майор З-ко облегченно вздыхает:

— Прочитал восемнадцать докладов и, как будто, спала тяжесть с души. Теперь чувствую себя легче.

Ему можно поверить, если принять во внимание, что за эти дни он похудел на пять килограммов.

На стенах, воротах, столбах, деревьях вешаем портреты «вождей» (пока что, вместо оригиналов).

СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Экстренное, внеочередное собрание. Заместитель командира полка по политической части выступает с сенсационным сообщением. Оказывается, коварные американцы избрали день нашего праздника для того, чтобы произвести

на нас внезапное нападение. Оратор точно перечисляет американские части, которым поручено выполнить диверсию.

— Таким образом, налицо имеется провокация, при этом тщательно подготовленная! — громовым голосом кричит оратор.

— Провокация, действительно, тщательно подготовлена, — шепчет мне на ухо капитан У-в. — Сейчас ты в этом убедишься.

И вправду, замкомполка приступает к «организационным выводам» из создавшейся для нас «реальной угрозы». Все части приводятся в боевую готовность. Отлучки воспрещены.

У выхода я слышу, как два офицера разговаривают вполголоса:

— Что за чушь нес наш заместитель командира? Больной он, что-ли?

— Больной, или нет, не знаю. Во всяком случае, перекладывает с больной головы на здоровую...

МОНАСТЫРЬ ИМЕНИ ЧУЙКОВА

И вот, наконец, — «октябрьское торжество». Офицеры ходят нервные, в тройном страхе: перед начальством, за себя и за подчиненных. Непрерывно проверяем своих людей, преимущественно ночью. Я за 7-ое и 8-ое ноября проверил вверенных мне бойцов двенадцать раз, в том числе два раза в полночь — «в двенадцать часов по ночам...»

Капитан У-в контролирует караулы через каждые два часа. Жалуется: «Прямо, хоть караул кричи!»

В клубе состоялась лекция, вечером — кино. Провели также кросс и физкультурные игры. Но увольнений в город — ни под каким видом. Употребле-

ние спиртных напитков, даже пива запрещено еще в апреле генералом Чуйковым. Одним словом, — ни выпивки, ни отлучек. Ребята шутят: «отлучение от мира и вступление в Чуйковский мужской монастырь».

«ГАРУН БЕЖАЛ БЫСТРЕЕ ЛАНИ»

Тревога! Заместитель командира полка заметил солдата, который, невзирая на колючую проволоку, перелез через забор и отправился в самовольную отлучку. Не выдержал аскетического образа жизни!

Начинается «карусель». Погоня! В клубе прерывают киносеанс. Построение, проверки. Крики командиров, суета.

Хотя жаждущий мирских удовольствий «бежал быстрее лани», все же патруль настиг его у первого городского киоска. Рассказывали, что, заведя преследователей, боец немедленно схватил литровый «мас» пива и успел осушить его до момента ареста. После длительного периода трезвости его быстро «повело», он пришел в прекрасное настроение и, возвращаясь под конвоем в городок, будто бы, повторял:

— Нет, врешь, пива обратно не выкачаешь! Выпитые напитки обратно не принимаются!

Для «отрезвления» ему дали пятнадцать суток гауптвахты.

* * *

Октябрьские торжества «отшумели». Мой друг, капитан У-в, ходил темный, как туча.

— Плюнь, Вася, — сказал я ему как-то, — в конце-концов жизнь, все-таки, довольно сносная вещь.

— Она была бы более сносно, если бы поменьше было таких веселеньких праздничков, — мрачно отвечал он...

Думаю, что в этом году празднование Октября в частях советской оккупационной армии будет еще «веселее».

В США в некоторых киосках в трогательном соседстве выставлены наш «Сатирикон» и московский «Крокодил». Этот факт служит наглядной иллюстрацией к громыкинскому тезису об «отсутствии демократических свобод» в Америке. Хотели бы мы увидеть нечто подобное в странах «народной демократии».

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО «КРОКОДИЛУ»

Пресмыкающаяся!

Ныне ты празднуешь 30-ую годовщину своего существования.

Никто не может утверждать, что от твоей тридцатилетней деятельности никому не было «ни холодно, ни жарко». Наоборот. За время своего существования ты опубликовал десятки тысяч доносов, по которым десятки тысяч людей были сосланы в Колыму или Алма-Ату. Некоторым было холодно, некоторым — жарко. Мы не сомневаемся, что все они при случае крепко-крепко, по дружески, пожмут твою шею.

В свободных странах читатели привыкли ссылаться на любимые издания. В СССР издание само ссылает своих читателей. Этой «благородной» литературной традиции следует и «юмористический» журнал «Крокодил».

Есть у тебя и другие заслуги. В некоторых отношениях твое имя вошло в поговорку. Раньше говорили: «Врет, как сивый мерин». Нынче гораздо чаще говорят: «Врет, как «Крокодил». Недаром твоя редакция помещается на улице «Правды».

Что же сказать нам еще в день твоего юбилея? Юбилейной традицией в СССР в настоящее время является «критика и самокритика». Ты, вероятно, страдаешь от отсутствия «самокритической» темы. Что-ж, мы нашли для тебя подходящую темочку. В № 23-м за этот год на стр. 12 помещен рисунок, который мы воспроизводим ниже. Что хотел сказать этим художник М. Черемных, мы не знаем. Но думаем, что он хотел сказать: «Хлеб-соль ешь, а «Правду» режь». Мы уверены, что наша мысль даст богатую пищу для юбилейных речей, в которых помянут «незлым, тихим словом» и художника, и главного редактора Д. Беляева.

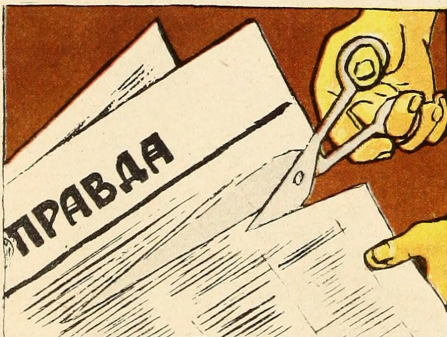
Итак, прими наши «сердечные поздравления», литературный калека! Советская пресса утверждает, что «Крокодил» дорог для своего читателя. Принимая во внимание содержание журнала, бурно присоединяемся к этому заявлению! Даже слишком дорог!

Всегда готовый к услугам

(таким же)

«САТИРИКОН»

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ, подпись наша.

Хлеб-соль ешь, а «Правду» (и «Комсомольскую» тоже) режь!

КОЗЬМА ПРУТКОВ ! ЖИВ !

Как мы уже сообщали (см. «Сатирикон» № 3), Козьма Прутков жив, здоров и находится при дворе абиссинского негуса, где очень «пришелся ко двору». Тем не менее, судьба далекой, но милой родины продолжает волновать философа и поэта.

Из полученного нами письма видно, что Козьма бежал от советской власти еще в 1917 году, загрировавшись Карлом Марксом (!). Революционные массы того времени считали появление Маркса в своей среде вполне естественным и чествовали Пруткова, как «основоположника марксизма». В некоторых населенных пунктах, политические настроения коих были для Козьмы неясными, он выдавал себя за Льва Толстого и даже Дарвина (!).

По дороге в Абиссинию Пруткову пришлось пересечь границы почти всех европейских государств. «В то время я перешел все границы, за исключением границ приличия», — замечает писатель со свойственным ему достоинством.

Кроме философских изречений, мы печатаем в этом номере одну из старых басен Пруткова, «модернизированную» автором.

1.

Первые шаги советской власти не отличались уверенностью. Первый блин был совнаркомом.

2.

Вылетев из Советского Союза и пролетая по разным странам не становишься пролетарием.

3.

Революция освободила нас от цепей. Меня — от цепочки, презентованной к часам братьями Жемчужниковыми.

4.

Не будучи монархистом, надо, все же, иметь царя в голове. Сие следовало помнить, совершая революции.

5.

Даже сильно нарумяненная теща, и та во сто крат менее опасна и лицемерна, чем «сталинская конституция».

6.

Плюнь!

7.

Кто не работает, тот не ест, а кушает.

8.

Система советского воспитания имеет три ступени: четырехлетка с чтением, пятилетка с чтением и письмом, и десятилетка без чтения и письма, но со строгой изоляцией.

9.

Служба дипломатическая развивает все способности человека, в том числе глупость. Вспомни о Громыко!

10.

Чем Берия не Ягода?

11.

Порою дипломаты, садящиеся за «круглый стол», встают из-за одного круглыми дураками.

12.

Печать советская уподобляет речи Вышинского «мечу разящему». В сем уподоблении нахожу часть истины. Подобно мечу, они отличаются длиннотою и плоскостию.

13.

Еще раз говорю: плюнь!

ШЕРРИ-БРЕНДИ

Редактор позвал меня в кабинет.

— Дорогой Шерри, принимая во внимание ваш почтенный возраст, стаж и классическое образование, мы решили дать вам классическое задание. Немедленно отправляйтесь на Парнас. Понимаете, на эту самую гору. Встретите там наших классиков и устройте прессконференцию. Тема: что они думают об Октябрьской революции.

При демократическом строе, даже за очень большие деньги, невозможно получить билет в потусторонний мир. Я чуть не пожалел, что не нахожусь на «счастливой родине», где такие билеты, при любезном содействии Лаврентия Павловича, раздаются совершенно бесплатно и с такой подкупающей любезностью, что отказаться просто невозможно.

Но нет преград сатирикам,
Они напористый народ...

Я сказал только одно слово, уместное в данном случае:

— Аванс.

Не справляясь по железнодорожному и авиационному тарифу, редактор деньги выдал.

И вот я на Парнасе. Первый визит, конечно, к Пушкину.

— Александр Сергеевич! Хотя мы с вами и не рядом, вы на «П», а я где-то там в хвосте, на «Ш», но у вас очень добрая душа. Скажите, соответствует ли вашим гуманным взглядам Октябрьская революция? Плоха она или хороша?

Великий поэт, даже не порывшись в юбилейном одномомике Госиздата за 1949 год, ответил без запинки:

— Буря мглою небо кроет,
Вот уж тридцать пятый год,
— Стонет, плачет, волком воет
Бедный русский мой народ...

Пока поэт читал эти классические строки, я заметил, что вокруг меня собираются знакомые и любимые с детства лица.

— Михаил Юрьевич! — воскликнул я, увидев характерное лицо Лермонтова.

— Что вы скажете об Октябрьской революции?

— Что я могу сказать? Вы, вероятно, сами помните:

— И скучно, и грустно, и некому

руку подать...

— Як нема кому подати?! — сказал Тарас Григорьевич Шевченко, протискиваясь сквозь толпу: — А західному брату руку простягли.

— Так, руку простягли, а ноги він сам простяг, — заметил Котляревский.

Я испугался, что и здесь может возникнуть модный «спор с украинцами» и хотел уже сказать что-нибудь успокои-

тельное, но меня предупредил автор «Го-ре от ума»:

— Вон из Москвы! Сюда я больше не езду!

Бегу, не оглянусь, пойду искать

с Парнаса,

Где оскорбленному есть чувству уголок... Пегаса мне, Пегаса!

Эта антимосковская реплика москаля сразу внесла успокоение среди украинцев. В группе лиц, окруживших меня, я увидел знакомую острую бородку певца народной скорби.

— Николай Алексеевич! Ваше мнение нам особенно драгоценно.

Подойдя к бородку, Некрасов прочел протяжно:

— Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель наш и хранитель,
Где-б колхозник у нас не стонал...

Вот, вот, совершенно верно, — перебил его Алексей Константинович Толстой:

По Марксу, Ильичу-ли,
По Сталину ли жить, —
Всегда ты можешь пулю
В затылок получить.

— А что вы думаете о коммунизме, Михаил Евграфович? — спросил я у Салтыкова-Щедрина.

— Ужасно подумать, — ответил мрачный сатирик, — что возможны общества, возможны времена, в которых только проповедь надругательства над человеческим образом пользуется правом гражданственности...

— Да, действительно, зажали после Октября, — заметил, подходя, Тютчев. — Помните, я сказал:

Молчи, скрывайся и таи
Все чувства и мечты свои,
А если скажешь что-нибудь, —
На Колыму покажут путь.

На передний план вышел задумчивый Гоголь. Он хотел пройти скромно мимо, но я не упустил такого редкого случая и немедленно обратился к нему.

ЧЕРВЯК И СТАЛИН

Однажды Сталину за ворот вполз

червяк.

Ивана кличет он, а тот, не будь дурак,
За горло хватить Сосо и ну сжимать

слегка...

— Но что ты делаешь?

— Давлю я червяка!..

* * *

Когда бы Берия не подоспел

в минуту ту коротку —

Иван бы раздавил и червяка, и глотку.

— Что вы скажете, Николай Васильевич?

— О России вообще я уже сказал в моей «Тройке». А что до Октября, то грустно: у моего Акакия Акакиевича, по крайности, хоть шинель была, а у теперешнего не только шинели нет, но и самого в Устьпечлаг сослали. Тут никакой «Ревизор» не поможет. А насчет «Мертвых душ», Сталин и Берия давным-давно всех моих героев перешеголяли.

Пододошедший к нам Антон Павлович Чехов протер пенсне и сказал своим мягким приятным баском:

— Насколько могу судить, людей в футлярах в коммунистическом царстве гораздо больше, чем было при мне в России. А футляры-то плохого качества, советские...

В это время появился пришедший с охоты Иван Сергеевич Тургенев.

— Видите ли, — сказал он, — так как сейчас в России вопросами языковедения ведаёт Сталин, я к моим словам о великом и могучем русском языке добавить что-либо боюсь. А насчет остального скажу кратко: наши Рудины уже были «Накануне» и мечтали, что, наконец, взойдет «Новь», а получился один «Дым», в котором сгорели не только дворянские, но и крестьянские гнезда...

— И все свалилось с «Обрыва», — подхватил Гончаров.

— Но, зная русский народ, зная в нем Хорей, Калинычей, Касьянов с Красивой Мечи, — добавил Тургенев, — я верю, что скоро у нас зашумят «Вешние воды».

— Вот тогда Сталину, вместе со всей его компанией, русский народ скажет: «Не в свои сани не садись», — заметил Островский.

— Или, — поправил драматурга дедушка Крылов: — «А вы, друзья, как ни садитесь, — все в музыканты не годитесь!» И тогда Сталин полетит...

— Рожденный ползать, летать не может, — поправил Максим Горький.

— «Идиот!» — резко сказал Достоевский (это явно относилось к Сталину, а не к Максиму), за преступлением последует наказание. «Бесы» будут изгнаны!

— И тогда наступит «Воскресение», — заключил разговор Лев Николаевич Толстой.

* * *

Вынесший меня с Парнаса крылатый Пегас неожиданно начал выпускать газ, превратился в восьмицилиндровый «Бьюик» и молниеносно помчал меня по гудронированной автостраде к Франкфурту на Майне.

На душе у меня было спокойно. Я твердо знал: великие с нами, они помогут нам в борьбе.

Звоцкий
к 34-ой годовщине

Вся Власть

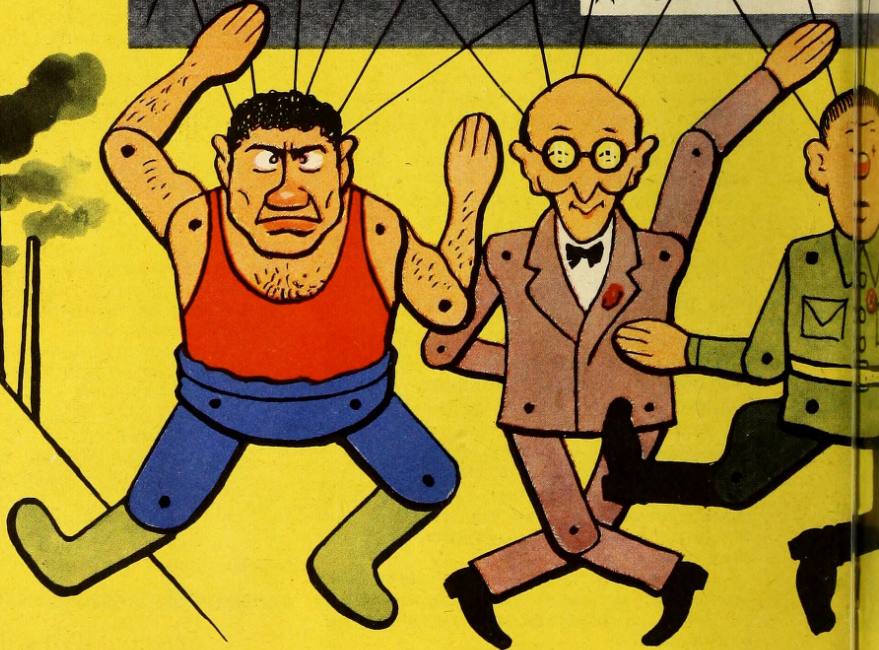
Монтаж Н. ИР-СКОГО

Солнце „Сталинской Конституции“

БЕЙ ЗОЛОТО-
ПОГОННИКОВ!

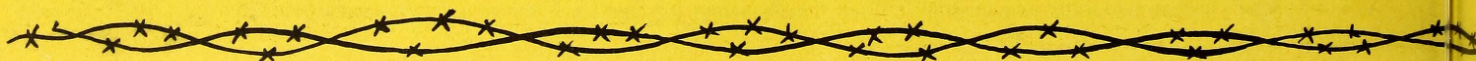

ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО

ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ ВСЕ РАВНЫ, НО...

ФАБРИКИ РАБОЧИМ!

Борьба с „Капитализмом“
Октябрьской революции

СОВЕТАМ!

ОБЩЕГО СОВЕТА СССР

НЕКОТОРЫЕ БОЛЕЕ РАВНЫ, ЧЕМ ДРУГИЕ

ДОЛОЙ
ВОЙНУ!

ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!

сторожский репатриант

Старик Семен Лукашов, из рабочих, побывав в гитлеровской Германии. Там, в концлагерях, погибли два его сына. Когда война закончилась, Лукашов репатриировался. И, поскольку он особых подзарядок не вызывал, а к труду в краях отдаленных, по старости лет, не был способен, — ему не препятствовали добраться до родной деревни.

Случилось так, однажды, что сосед Лукашова, Максим, подвыпил и с бутылкой зашел к нему. Выпили по чарке, потом по другой. Показали. Через некоторое время в хибарку Лукашова вошли еще несколько человек и тоже с водкой. Выпили, закусили, закурили, а потом потихоньку завели разговор о заграничье: гости горели желанием узнать, как живет народ на западе.

Лукашов был старый воробей: он знал, что при таких разговорах надо быть чрезвычайно осторожным. Оглядев всю компанию, он мрачно заметил:

— Народ заграничьем очень даже плохо живет. А плохо живет он потому, что до октября, дурак, не додумался: нет у них там октября, а отсюда и беда для народа.

— Как это, нет октября? — удивился Максим, — из календаря его вычеркнули, что-ли?

— Да нет, не то.

— Так куда же он девался?

— Да ты не прикидывайся дурачком. Я, ведь, не про месяц октябрь говорю, а про переворот. То-есть, чтобы скинуть паразитов и самим занять их место. Вот о чем идет речь.

— Значит, и у них там паразиты имеются? — спросил Антон.

Но Максим прервал его:

— Да ты погоди со своими паразитами. Дай о деле сперва поговорить. Ты, вот, что нам, Семен, скажи: как там крестьяне живут?

— Хуже не может быть! То-есть, сколько я ни смотрел — ни одного колхоза!

— Значит, крестьяне бедствуют?

— Страшно. То-есть, так бедствуют, что и сказать невозможно.

— А по какой причине?

— Да как же им не бедствовать, ежели в селе, скажем, кулак завелся? Должны бедствовать.

— Так, а почему же его не раскулачат, раз он завелся?

— Некому. Потому, ежели бы он один был, то туда-сюда. А, ведь, там их уйма! Кулак на кулаке сидит и кулаком погоняет. Можно сказать, все поголовно кулаки.

— Ну, а власть куда же смотрит?

— Власть у них продажная. Ее всегда купить можно. Кулаки власти — и мясо, и сало, и молоко, и яйца. А власти что? Получила и молчит.

— И народ с этим мирится?

— А чего же ему? Заграничьем и народ продажный.

— И даже рабочий класс?

— А ты думаешь? Еще как! Ну, правительство рабочих и покупает. Очень даже просто: снабжает и мясом, и салом, и костюмами, и велосипедами. Обложился рабочий мясом, да салом, оброс костюмами, да велосипедами, — вот

он уж, дурак, и на крючке: правительство его купило.

— Значит, взаимная порука? — мрачно спросил Федосей.

— Вот именно. Страшно продажный народ: один другого покупают, и все довольны. Радуются.

Наступило молчание. Гости Лукашова задумались. Максим предложил выпить, а Антон спросил:

— А как там насчет пролетариата?

— Погибает, — решительно произнес Лукашов.

— Голодает?

— Какое там голодает?! Сам по себе гибнет.

— А ты это, дядя Семен, поясни нам. Потому, закурил ты тут такое, что без рюмки и не проглотишь.

— Чего проще? Там так: один работает, а два без работы ходят.

— А безработные, небось, голодают?

— Вот именно, — согласился Лукашов.

— Да так, несчастные, голодают, что не знают, куда обедки девать. А почему? Опять же провокация правительства! Наделяет оно безработных этих самых пособием и на пищу, и на квартиру, и на все прочее. А, помимо всего, безработный и спекулирует.

Федосей покосился на Лукашова.

— Да как же так? Почему же его не выловят?

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОКЛАДА

Рис. Н. ОЛИНА

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗОЛЖЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— А не выловят его потому, что ловить некому.

— Народ там весь вымер, что-ли?

— Народа там, положим, хватает, а, вот, выловить — некому. Чтобы, положим, поймать кого, надо на него заявление написать. А у них на этот счет туговато; потому, народ — дружный. И ты ему хоть чорта дай, а выдавать соседа или товарища не станет. А если кто из чужих донес, ему свои в момент голову открутят. Обычай такой.

Федосей недоверчиво пожал плечами. Михаил решительно заявил:

— Головоунышество! Расхлябанность!

Но Максим возразил:

— Не то, Михаила. Расхлябанность тут не причем. Гвоздь рассуждения в том, что у пролетариата правильной партийной установки нет. А будь у них, скажем, такое партийное руководство, как у нас, — так он, подлец, не то что спекулянта — отца родного выдал бы. Вся соль в руководстве.

Гости крепко задумались.

Федосей вытащил из кармана бутылку и предложил еще выпить.

Афанасий, упорно молчавший до последнего момента, вытер бороду и подбил итог:

— Да, плохо народ заграничьем живет. Во-первых, засилье кулацкое в деревне — и, ведь, какое! Что ни двор, то и кулак. А кулак живет себе барином. Какой же тут может быть колхоз, если человек сам себе врагом быть не хочет? Во-вторых, у рабочего класса никакой возможности развернуться нет, потому, правительство для него опимум из костюмов и велосипедов делает. В третьих, правительство на провокацию пускается: ублажает пролетариат пищей и квартирой и дух в нем революционный угашает...

Афанасий помолчал и добавил:

— Вот, Семен говорил, что там у каждого не то, что велосипед, а, может, и машина. Опять же — буржуазный предразсудок. К чему, я спрашиваю, рабочему классу машина? Наше мудрое правительство рабочему классу одну машину на весь район предоставляет, и машины этой с нас хватает. А почему? Потому, что катает каждого из нас эта машина один раз в жизни: придет, заберет, отвезет — и конец. И мы довольны, не жалуемся: не дай Бог, если бы таких машин было десять!

— Стой, стой, дядя Афанасий! — вскричал Антон. — Про какую это машину ты говоришь?

— А ты, будто, про «Черного Ворона» не слыхал! Не катался на нем? Погоди, и до тебя очередь дойдет: покатаешься...

— Хватит! — решительно произнес Федосей. — Раз уж до «Черного Ворона» докатились, значит, намолоти достаточно. Айда, ребята, по избам!

Гости разошлись.

* * *

Через несколько дней, глубокой ночью, «Черный Ворон», — та самая машина, о которой упоминал дядя Афанасий, — забрала его, Лукашеву и Максима и повезла их кататься в неизвестном направлении. Так все трое катаются и по сей день. А где именно, — про то никто ничего не знает.

Григорий КЛИМОВ

БОЛЬШЕВИК СТАЛИНСКОГО ТИПА

(Из книги «Берлинский Кремль»)

Около десяти часов вечера капитан Белявский распрощался и вышел из дома. Держа в руке ключ от зажигания, он открыл калитку. Место, где стоял его мотоцикл, было пусто.

Белявский разразился проклятиями. Было ясно, что мотоцикл украден. Больше всего взбесило Белявского, что мотоцикл украден кем-то из своих. Ведь ни один из берлинских воров ни за что не заберется в Карлсхорст, в штаб СВА, а тем более за мотоциклом.

Комендатура Карлсхорста находилась в нескольких шагах. Белявский зашел к дежурному коменданту и заявил о краже. Дежурный лейтенант посочувствовал взволнованному капитану и пообещал проверить, не украден ли мотоцикл кем-либо из комендантских часовых.

Неделя не дала никаких результатов. Белявский мысленно уже распрощался со своим мотоциклом, когда однажды, в конце рабочего дня, его позвали к телефону. К удивлению Белявского, в трубке раздался женский голос.

— Товарищ капитан, — торопливо заговорила незнакомка, — извините, что я не называю своего имени. Я хочу только сказать, что ваш мотоцикл находится в подвале соседнего дома... Кто его украл, вы можете сами догадаться.

Не дослушав до конца, Белявский торопливо поблагодарил и бросил трубку. Минуту он сидел за столом, соображая, что делать. Ведь вором должен быть никто иной, как сам парторг Правового Управления СВА и майор юридической службы Ерома.

Наконец, капитан решил действовать. Он попросил пойти с ним в качестве свидетелей подполковника Попова и майора Николаева. По пути они зашли в Комендатуру, захватили с собой дежурного коменданта и отправились на квартиру майора Еромы.

По просьбе дежурного коменданта был открыт подвал. Там, блистая никелем, стоял мотоцикл капитана Белявского.

Когда четверо офицеров, кряхтя и чертыхаясь, с трудом вытаскивали тяжелый мотоцикл вверх по ступенькам, дежурный комендант не мог удержаться от замечания: «Тут один человек управиться не мог. По меньшей мере еще двое помогали!»

Позже выяснилось, что комендант был прав.

В день кражи майор Ерома и еще два офицера Правового Управления возвращались поздно вечером с партийного инструктажа в Политуправлении. Подходя к своему дому, Ерома заметил у соседней калитки поблескивающий в темноте мотоцикл. Не долго думая, он, с помощью партийных товарищей, ука- тил мотоцикл в свой подвал.

Возмущенный случившимся, Белявский написал соответствующие рапорты начальнику штаба СВА генералу Дратвину, в Политуправление и в Военную Прокуратуру СВА. Если делу дать законный ход, то майора Ерому

следует исключить из партии, сорвать офицерские погоны и дать тюремное заключение, положенное за кражу...

Когда майор Николаев узнал о рапортах, он посоветовал Белявскому не торопиться — в лице майора Еромы одновременно обвинялось и многое другое.

Они решили зайти к нему в обеденный перерыв. Ерома сидел за столом в распушенной гимнастерке, без пояса. Перед ним стояла дымящаяся алюминиевая миска с борщом. При виде посетителей он даже не поднял головы и продолжал хлебать борщ.

— Ну как, Ерома?! — обратился к нему Белявский, — каким образом мой мотоцикл попал в ваш подвал?

— Я его нашел, — ответил тот с полным ртом и не повел даже бровью.

— Я подаю на вас рапорт в Политуправление, — не нашел сказать ничего другого Белявский, опешивший от железобетонной наглости парторга.

Ерома продолжал жрать борщ. Он не ел, а именно жрал — чавкая, выгнув горбом спину и закрывая глаза от удовольствия. По лицу его тек пот. Покончив с борщом, парторг взял миску, опрокинул ее над ложкой, ожидая, пока стечут последние капли. Затем он засунул ложку в рот и плотоядно облизнулся.

— Нет, такого ты рапортом не проймешь, — не выдержал Николаев. — Плюнь ему лучше в тарелку и пойдем!

Но на парторга это не подействовало. Он хладнокровно протянул миску своей жене и знаком попросил добавку. В центре Европы, посреди Берлина, в центре советской Военной Администрации сидела и напихивалась борщом скотина. Они с силой хлопнули дверью и ушли.

Вечером Белявский зашел в приемную начальника Политуправления, генерала Макарова, и передал рапорт.

— Сделаю, что могу, — усмехнулся генерал. — Он у нас уже на примете за бигамией...

Отсюда Белявский пошел к военному прокурору СВА, подполковнику Орлову. Подполковник знал Белявского лично и потому, прочитав рапорт, сказал ему откровенно:

— Под суд мы его отдать не можем. Сам знаешь — партия!

Если бы Белявский был опытнее в вопросах партийной жизни, он, наверное, воздержался бы от мысли тягаться с партией. История привела к совершенно неожиданным результатам. Скандальное дело о краже мотоцикла подняло шум на весь Карлсхорст, и Политуправление решило замять его. Как гром среди ясного неба, поразил капитана Белявского неожиданно полученный им приказ об откомандировании в Советский Союз. В то же время вор, бигамист и подлинный «большевик сталинского типа» Ерома благополучно продолжал свое существование в Карлсхорсте.

В ПЛЕНУ У САМИХ СЕБЯ

В восточной зоне Германии сидят за колючей проволокой сотни тысяч политических заключенных. Но не только они. За колючей проволокой пребывают также... советские военнослужащие.

Высокими заборами или «монастырскими» стенами, увитыми колючей проволокой, окружены казармы. С наружной стороны «днем и ночью часовые стерегут мое окно...»

Читатель, вероятно, предполагает, что патрули смотрят за тем, чтобы никто посторонний не проник на территорию казарм? Нет! — немцы, решившие по собственному желанию досрочно отправиться к праотцам, избирают иные пути, чтобы осуществить свое намерение. Часовые охраняют колючие границы казарм от... самих же советских солдат. То-есть, от таких, которые мечтают хоть на часок вырваться из своего «монастыря» и подышать сомнительным, но для них все же более вольным, воздухом восточно-немецкой «народной демократии».

★

Черта, делящая Берлин на советский и несветский, является для советских военнослужащих одной из самых величайших «государственных тайн». Только важным «пишкэм» разрешается точно знать, где кончается «коммунистический рай» и начинается «загнивающий капитализм».

Почему?! — спросит удивленный читатель.

А потому, чтобы не было солдат и офицеров «из ряда вон выходящих».

★

«Пережитки проклятого прошлого» все еще живут в сознании масс!

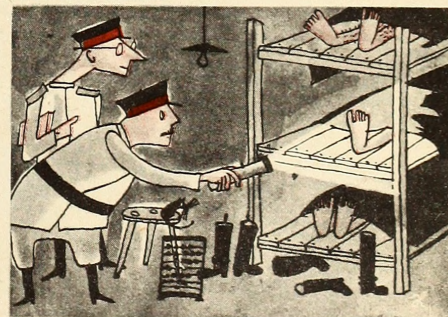
Советский майор В., находясь в оккупационных войсках, стал на путь... «реставрации капитализма». Майор организовал «экспорт» на социалистическую родину... немецких зубных щеток. Дело пошло бесперебойно. Майор отправлял зубные щетки жене в посылках, а та реализовала их на месте. Но... легкомысленная супруга забыла, что «гражданам СССР гарантирована тайна переписки» и не сделала нужных выводов. Она написала муженьку письмо, сообщая на радостях, что заработала на щетках пять тысяч рублей.

Пункт «сталинской конституции» о тайне переписки подвел: майор перестал быть майором... Попытка восстановления капитализма посредством зубной щетки провалилась. Советским потребителям попрежнему «почесать зубы» нечем.

НАРУШЕНИЕ ПРИКАЗА

Во многих частях советской оккупационной армии солдатам приказано, для облегчения ночных проверок, спать, высунув обе ноги из под одеяла.

Рис. И. ТАНИНА

НАШ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Рис. Н. ОЛЕНА

В связи с 34-ой годовщиной Октябрьской революции, терпение генералиссимуса Суворова лопнуло и он срочно вызвал на военный совет князя Кутузова, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, князя Пожарского, казака Ермака, адмирала Нахимова и Александра Невского. «Ну-с, чудо-богатыри, — сказал Суворов, — что прикажете делать с большевиками, кои столь бесовестно спекулируют нашей славой?!...» Собранные тщательно обсудили этот вопрос и единодушно приняли твердое решение, которое мы, к сожалению, опубликовать не можем, так как, пока что, оно является строгой военной тайной.

Это вам не просто Фиди!

УВАГА, ГОВОРИТЬ КИЇВ!

З ОРИГІНАЛОМ ЗГІДНО

(З життя УРСР)

«Прости ж мене, моя мила...»

Деякі советські письменники УРСР, в тому числі М. Бажан, Остап Вишня, І Кочерга, Ю. Яновський та інш., в спеціальному листі ще раз вибачалися перед советською владою за свої „помилки“ і дякували за критичну розправу над В. Сосюрою та іншими літераторами під час останнього пленуму правління Союзу Советських Письменників України.

До „октябрьской“ революції такі явища траплялися лише в гумористичі. Так, у відомому українському вірші чоловік просить вибачення у своєї дружини в таких виразах:

Прости ж мене, моя мила,
Що ти мене била...

Та то був плюгавий чоловіча, до якого так і ставилися. Коли ж це проголошують поважні письменники, то, слово чести, не знаєш, що робити: сміятися, плакати, чи випити пляшку горілки.

Добра консультація

Є така вірменська анекдота. На суді допитують двох свідків: — „Чим ви займаєтесь?“ — „Нічим.“ — „А ви?“ — „Йому допомагаю.“ — „Де ви живете?“ — „Ніде.“ — „А ви?“ — „Напроти нього“.

Громадяни М. Камінський і Г. Терещенко зацікавилися питанням, скільки трудоднів одержує колгоспник, причіплювач тракторної бригади. Юридична консультація „Колгоспного Села“ докладно відповідає: вдвічі менше, ніж тракторист. Скільки ж, в такому разі, одержує тракторист? Виявляється, що на це питання тяжко відповісти, бо трактористові сплачується лише за ті роботи, які відповідають певним вимогам. За решту ж, хоч вони і виконані, трудоднів не нараховується. Пробачте, а які ж це такі „певні вимоги“? А вимоги бувають різноманітні і залежать від умов місцевості, (коли у голови колгоспу настрої підвищені, то й вимоги підвищені, коли ж знижені, то й вимоги знижені, або навпаки).

Отже, таку суму одержує колгоспник, причіплювач тракторної бригади. Ясно, товариші причіплювачі? Ну, і не причіплювайтесь з запитаннями!

Кажуть, що колгоспники, начитавшись „Колгоспного Села“, ходять вулицями, як п'яні, і співають:

У „Колгоспному Селі“
Добра консультація,
Бо від неї в голові
Гей, перетурбація!

Маленький фейлетон

«СИДЮ НА ТУМБИ Я, А НАВКОЛО СКУМПІЯ!»

Скупія — це не невеличка хижа тварина з південної Америки, як гадає читач, а лише невинний чагарник для «полезисних лісосмуг», якого посилено пропагує видання «Колгоспне Село».

Одна з примет советської влади — це схильність до нових, а іноді й екзотичних культур. Всі ми пригадуємо епоху сої, коли советська агропропаганда переконувала колгоспника, щоб він «сою ів, на сої спав, соєю вкривався». Можна сказати без перебільшення, що в той час на колгоспному селі запанувало «соєшне життя».

По тому почалося захоплення цитрусовими. Говорили вже про те, що ось-ось помаранчі й цитрини падатимуть просто у шклянку чаю колгоспників з колгоспного дерева. Та з помаранчами стався конфуз. Якщо соя вмерла тихо і поступово, то цитрусові провалилися з громом та блискавкою. Ініціатори цієї справи ще довго цитрусилися.

Тепер сою та її спадкоємців заступила скупія. За «Колгоспним Селом», пореваги скупії полягають в тому, що з неї можна виготовляти іграшки, інкрустації і дорогі меблі. Маючи «золотаво-оксамитовий»

колір, вона особливо надається до вироблення люксових предметів.

...Перед нашими очима повстає приваблива картина. „Колгоспник-мільонер“, відпрацювавши для моціону свій трудодень, (те, що інші мільонери заміняють грою у гольф), повертається додому. Завітавши по дорозі до одного з місцевих аристократичних салонів („Салон для стріжки і брїтьє“), він, нарешті, вступає до свого палацу, відомого в околиці під вишуканою еспанською назвою „Хібарра“. Розсівшись на декількох дорогих меблях, він гукє:

— Жінко! А ну подай мені мерщій мою інкрустацію!

Подивившись на інкрустацію, він бавиться з жінкою іграшками, виготовленими з скупії (діти, як і належить мільонерам, виховуються в єзуйтських учбових закладах).

Після того „колгоспник-мільонер“ і його дружина падають один до одного в обійми.

— Сільва! (схорочене від Василіни), — скрикує колгоспник, захиляючись від щастя, — спасибі рідному Сталіну за золотаво-оксамитове життя! Хай живе скупія! Тарара-бумбія! Хома ХАЛТУРА та Ю. ТЮТЮН

Все для колгоспника!

У Москві відкрито український ресторан.

Нарешті ресторан відкрито. Яке багатство кольориту:

На що лише не подивись — Сmachні, чудесні речі скрізь! Борщ полтавський, борщ

волинський,

Борщ загально-український;

Різних три гатунки юшки,

Галушки та затерушки,

І налистники, й млинці, —

Їх готують фахівці!

Як зголоднів ти в себе вдома,

Як по роботі мучить втома,

Що не зведеш і голови,

Їдь, любий друже, до Москви.

Там дадуть тобі печені,

Принесуть курча варене,

Молоденьке поросє

І в сметані карася!

Як виконав ти всі поставки,

А сам по триста грам дїстав ти

На трудодень, на трудонїч, —

То знай: в Москві є повна піч:

Гарна смажена ковбаска,

Пиріжок пухкий — будь

ласка!

Шинка, пундики, кисель

Виглядають звідусіль...

Кремлівський кухар-ресто-

ратор

Уміє добре готувати.

Одна біда: до всіх тих страв

Занадто перцю передав!

Час мине — і день настане!

Весь народ голодний встане,

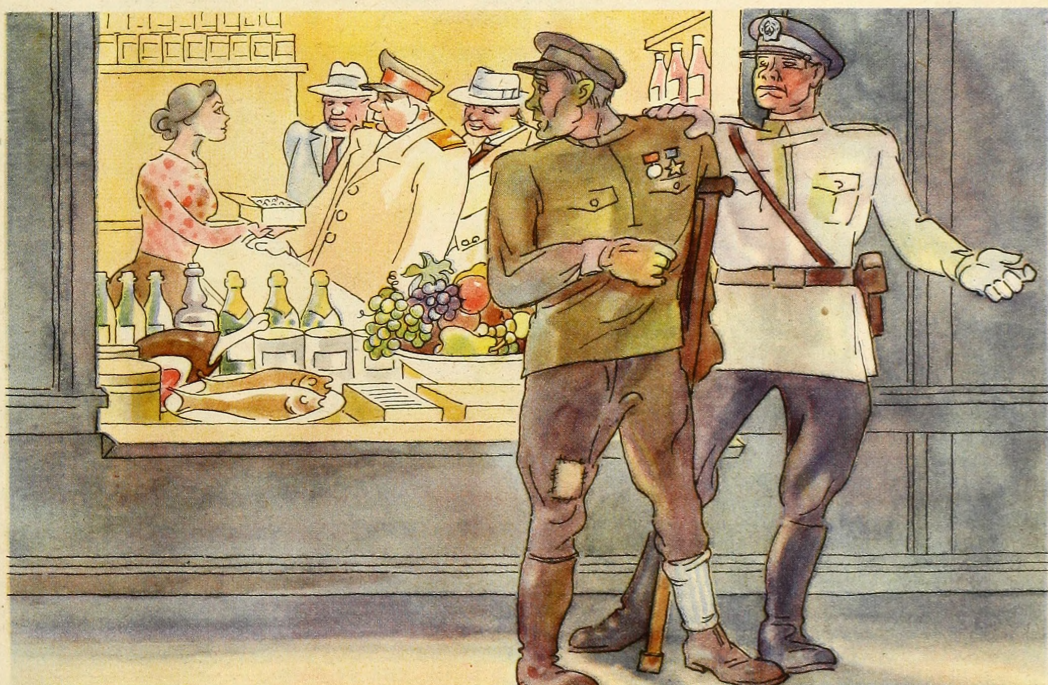
Завїта на кухню сам

І — „приперчить“ кухарям...

Ф. П'ЯТИВОЛОС

Напередодні цьогорічного «свята Октябрьской революції» в СРСР

Мал. С. БУХТИ-БАРАХТИ

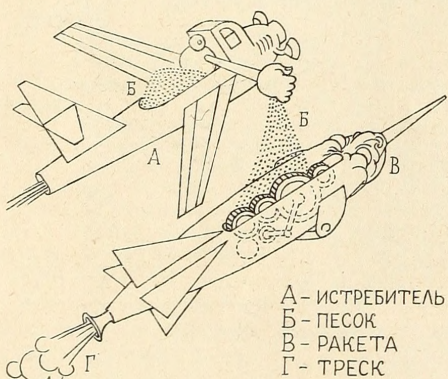
ДЕКОМУ БУБЛИК, А ДЕКОМУ ДІРКА ВІД БУБЛИКА

Как и следовало ожидать, наша научная публикация «О солнце» (см. «Сатирикон» № 3), вызвала всеобщее волнение в научном мире.

«Прямо поразительно, — пишет президент Занзибарской Академии Приближенных Наук проф. Апель-Синг, — насколько автор диссертации о солнце попал в точку. Вот уже 30 лет я каждую ночь сижу у телескопа, изучая солнце, но до сих пор не подметил тех явлений, о которых сообщает мой коллега».

В СССР научные достижения «Сатирикона» вызвали растерянность. Академику Подхалимскому-Подходуйскому было немедленно поручено создать научный труд о Сталине и солнце, в котором проводилась бы параллель между обоими светилами. Но сталинский лауреат на этот раз придал неудачный поворот теме, о чем свидетельствует заглавие его работы: «О пятнах на солнце и на лице товарища Сталина». Брошюра и ее автор изъяты с книжного рынка.

Окрыленные успехом, мы печатаем следующую серию наших научных трактатов.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА

Ракетный снаряд — это такой снаряд, который движется с треском. Но не всякое тело, издающее при быстром движении треск, является ракетой. Отличительной чертой ракетного снаряда служит то, что он передвигается по воздуху. Итак, вы заметили ракетный снаряд, летящий в вашем направлении. Что делать?

1. ВАРИАНТ ПАССИВНЫЙ. Вы отправляетесь на аэродром, нагружаете песком скоростной истребитель, стартуете, набираете высоту, захватите снаряд в тыл и осыпаете его песком. Песок попадает в детали ракетного механизма. Но не будем останавливаться на деталях. Каждому ясно, что при увеличившемся коэффициенте трения снаряд сократит свою траекторию и одновременно увеличит продолжительность вашей жизни. Таким образом, при варианте № 1 важно: а) набрать песку, б) набрать высоту, в) набраться духу.

2. ВАРИАНТ АКТИВНЫЙ. Тоже, что и в первом случае, но вы нагружаете самолет электромагнитами. С помощью таковых, потренировавшись, вы сможете не только отклонить снаряд от цели, но и повернуть его на 180 градусов, т. е. переадресовать отправителю.

ЧУДЕСА В НЕБЕСАХ

Следует признать, что в Советском Союзе наука также движется вперед и назад и имеет определенные достижения.

По сведениям, которыми мы располагаем, Академия Сельско-Хозяйственных Наук им. Ленина и Всесоюзный Ветеринарный Институт им. Буденного заняты сейчас переименованием планет и, вообще, освежением научной терминологии.

В области физики, названия «электрон», «протон», «ион» и др. признаны устаревшими. Кроме того, «ион» слишком напоминает «ООН», что отдает низкокочлонничеством перед Западом. Ввиду этого, указанные термины заменяются соответственными: «сталлион», «эмгемон» и «эмведон».

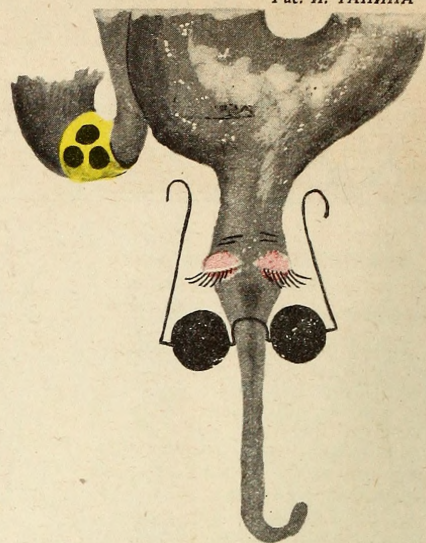
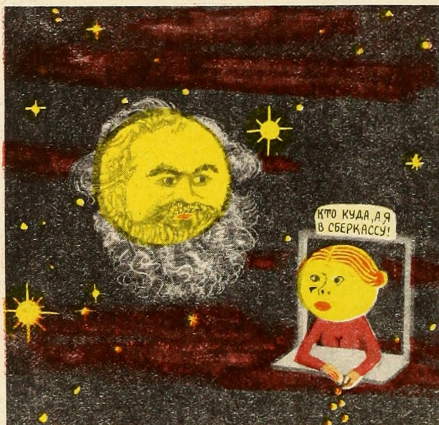
В астрономической науке планета Марс, естественно, будет называться Маркс, Меркурий, по аналогии, — Энгельс, Венера — Анна Паукер. Далее: тропик Рака — тропик Крабоконсерва, тропик Козерога — тропик Колхозерога, созвездие Водолея — созвездие Сталинских Гидростроев, созвездие Рыб — созвездие Главрыбы, созвездие Стрельца — созвездие Ворошиловского Стрелка, звезда Кассиопея — звезда Сберкассиопея. Последним переименованием предполагается усилить приток бережливый трудящихся в сберкассы Союза.

Нужно отметить, что в СССР стахановская практика, как всегда, идет впереди научной теории, ведя последнюю за собою, как бы, на веревке. Нам передают, что толчком для переименования планет послужил следующий разговор двух стахановцев, героев социалистического труда:

— Сеня, это правда, что на Марсе живут люди?

— Во-первых, не на Марсе, а на Марксе, а, во-вторых, это еще гипотенуза, — сказал Сеня...

Часть переименованных планет изображена ниже нашим художником И. Таниным.

СЛЕПАЯ КИШКА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Слепая кишка в быту называется аппендикситом (не смеивайся с антрацитом!). Это очень оригинальный орган. Фруктовые косточки, пуговицы, катушки, гвозди и другие мелкие предметы, попадая в кривые и прямые кишки человека («Гомо сапиенс»), свободно проходят далее по своему назначению. Но слепая кишка жадно накапливает эти бесполезные для нее мелочи домашней жизни в огромных количествах, что, повидимому, объясняется ее слепотой. В результате, вы начинаете медленно, но верно страдать перитонитом (не смеивайся с пиритом и динамитом!).

Наступает самый подходящий момент для хирургического вмешательства в ваши внутренние дела. Хирург вскрывает вам живот и извлекает все хранящиеся в нем предметы домашнего обихода. Хотя это сразу поднимает ваше благосостояние, но нередко кончается смертью, что негигиенично.

Дабы избежать такого исхода, следует выбирать хирурга, зарезавшего всех предыдущих пациентов. По теории вероятностей, вы имеете в таком случае максимальные шансы на успех.

Но хирурги, опять таки, имеют обыкновение забывать в больном различные инструменты: ланцеты, пинцеты, барометры, микроскопы и др. В научной литературе приводится пример, когда известный профессор-хирург по рассеянности зашел в брюшную полость пациента сестру милосердия. В таких случаях приходится вскрывать пациента вновь и вновь. Если это повторяется часто, рекомендуется просить врача сделать разрез на пуговичках.

О том, чтобы излечить слепую кишку мирным путем, не может быть и речи. Знаменитый хирург Иоганн Ихгобезельберникс любил повторять:

— Друзья! Скорее вы ослепнете сами, чем сделаете слепую кишку зрячей!

На этой странице мы помещаем изображение слепой кишки, сделанное с натуры. Как видит читатель, она, действительно, совершенно слепая.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УГОЛОК

Октябрь, ноябрь и декабрь — самое паршивое время года. Недаром в каждом из этих месяцев содержится холодный звук «бр!». Но и в порядке очередности, и с точки зрения «бр!» октябрь все же стоит на самом первом месте. Тем возмутительнее, что именно октябрьскую погоду большевики сознательно удерживают в СССР уже 34 года.

Октябрь богат осадками. Весьма тяжелый осадок оставляет у жителей Советского Союза ежегодное принудительное «празднование Октября».

ВЗДОХНУТЬ НЕ ДАЮТ

Шествуя в колонне демонстрантов «приветствовать партию и правительство в связи с годовщиной победы трудящихся», Прокофий Петрович начинает тяжело вздыхать: — Ох... ох-хо-хо-хо...

Марширующий рядом Григорий Семенович немедленно отскакивает в сторону и перебегает в другой ряд.

— В чем дело? — недоумевает Прокофий Петрович, догоняя своего друга.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы во время демонстрации ты не рассуждал о политике, — отвечает Григорий Семенович свистящим шопотом.

ГЕНЕРАЛЬШИ

В Большом театре в Москве торжественный спектакль по случаю «октябрьских торжеств». Две генеральши продолжают громко разговаривать, невзирая на то, что погасили свет и раздались первые звуки оркестра.

Кто-то сзади возмущенно шепчет:

— Тише, вы там: увертюра! Одна из генеральш, огрызается:

— От увертюры слышу!

ПИСЬМО ШВЕРНИКА

Рис. Н. М.

«Я вам пишу. Что же боле, что я могу еще сказать? Теперь, я знаю, в вашей воле Меня презреньем наказать...»

ФИГУРАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

На протяжении всей «октябрьской манифестации», проходя мимо различных трибун с «вождями», Григорий Семенович яростно вопит:

— Пламенный привет!! Пламенный привет!!

Его друг-приятель удивлен. По пути домой он замечает:

— Чего это ты так надрылся со своим «пламенным приветом»? Ты поклонник советской власти, что ли?

— Не совсем. «Пламенный привет» — фигуральное выражение.

— ???

— Не могу же я им прямо крикнуть: «Чтоб вы сгорели!»

В ПАРКЕ

Два советских трестовских работника прогуливаются в «Парке Культуры и Отдыха».

— Григорий Семенович, смотри... — внезапно шепчет один, — вон, под кустом, сидит твоя жена с твоим бухгалтером...

— Что-о? — ревет оскорбленный супруг и бросается в кусты.

Обратно он возвращается успокоенный, широко улыбаясь.

— Ошибка? — удивляется его спутник.

— Безусловно. Это совсем не мой бухгалтер!

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

— Скажите, у вас ничего здесь не случилось, э... необыкновенного? — робко спросил гость, посетивший старинный английский замок и испуганный мрачным видом отведенной ему комнаты.

— За последние 20 лет ничего, — ответил сопровождавший его слуга.

— А что же произошло здесь необыкновенного 20 лет тому назад? — поинтересовался ободренный посетитель.

— Остановившийся в этой комнате гость на утро оказался жив, — пояснил слуга.

НА ДЕМОНСТРАЦИИ

— Василий Иванович! Как поживаете?

— Средне.

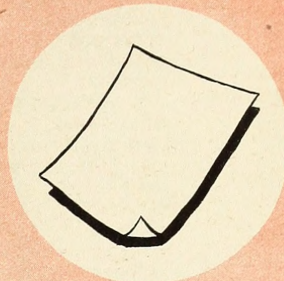
— То-есть?

— Хуже, чем в прошлом «Октябре», но лучше, чем в будущем.

Международные конференции в зарисовках

Нашему репортеру каким-то образом посчастливилось пробраться на ряд последних международных конференций с участием СССР. Там он проник в кулуары и зарисовал кое-какие аксессуары. Воспроизводим эти зарисовки, появляющиеся в мировой прессе впервые!

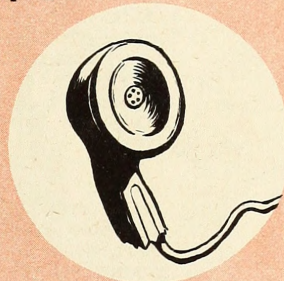
Рис. Н. ИР-СКОГО

ПОВЕСТКА ДНЯ, выработанная в этом году на «конференции четырех» в Париже.

МЕРТВАЯ ТОЧКА, на которую неизменно попадают переговоры о перемирии в Корее.

ТЕЛЕФОННАЯ ТРУБКА члена советской делегации, посредством которой он постоянно советуется с Кремлем.

ТУПИК, в который зашла конференция по заключению договора с Австрией еще три года тому назад.

ПИШУЩАЯ МАШИНА Андрея Громыко, вполне соответствующая его дипломатическим потребностям.

Так называемый «**ГРОМЫКОВГОВОРИТЕЛЬ**», через который Кремль оповещает конференцию о своих намерениях.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА: в Германии — 1 марка, в Австрии — 3,5 шиллинга, во Франции — 80 франков, в Марокко — 80 франков, в Бельгии — 10 франков, в Швейцарии — 1 франк, в Греции — 1000 драм, в Дании — 1,5 кроны, в Норвегии — 2 кроны, в Швеции — 1 крона, в Великобритании — 1 шиллинг, в Австралии — 1 шиллинг 3 пенса, в США — 25 центов, в Канаде — 25 центов, в Венесуэле — 1 боливар, в Аргентине — 5 пезо, в Бразилии — 5 крузеро.

В разработке тем и материалов для этого номера принимали участие: Е. Андреевич, С. Белоусов, Юр. Большухин, Б. Давний, В. Иванов, А. Перфильев, З. Пушкарская, В. Рыбаков, И. Сабурова, М. Сальян, И. Сибирский, Н. Смирнов, М. Соколов, Н. Фотов и С. Шахматов.

Редколлегия: Н. Градобоев (США), И. Иркеев, Н. Ирколин, Г. Климов, А. Михайлов (США), Ф. Тарасов (гл. редактор), С. Юрасов (США).
Всю корреспонденцию направлять по адресу: „**Satirikon**“, Frankfurt/Main-West 13, Postschließfach 1364 A.

ПТИЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Рис. Н. ОЛИНА

1. Дичь, которую несет советская пресса. 2. Сова профсоюзная. Заседает на «липе». 3. Воробей, коего на мякине не проведешь (советский обыватель). 4. «Журавль в небе». 5. Чрезвычайка. Гнездится в СССР с 1917 года. 6. Голубь мира, разводится на экспорт. 7. Ласточка, которая весны не делает (снижение цен). 8. Мякина. Та самая, на которой воробья не проведешь. 9. Хорош гусь! Процветает в торговой сети СССР. 10. «Красный петух» мировой революции. Сейчас кукарекает на Дальнем Востоке. 11. Кулик, который свое бо-

лото хвалит (сталинский патриот). 12. Дятел-пропагандист. 13. Фазан. Художник явно перепутал первую букву и вместо фазана нарисовал сазана. 14. Синица. Заменяет «журавля в небе» (смотри рис. 4). 15. Яйца, которые курицу учат. 16. Аист. Безнаказанно продолжает свою дореволюционную деятельность. 17. «Черный ворон». Антитеза аисту. 18. Индюк партийный. 19. Кукушка коминформенная. Подкладывает красные яйца в чужие гнезда. 20. «Сталинский сокол». Своевременно последует примеру пушкинского «Золотого петушка».